

Федор Александрович Абрамов

Золотые руки

В контору влетела, как ветер, без солнца солнцем осветило.

– Александр Иванович, меня на свадьбу в Мурманск приглашают. Подруга замуж выходит. Отпустишь?

– А как же телята? С телятами-то кто останется?

– Маму с пенсии отзову. Неделю-то, думаю, как-нибудь выдержит.

Тут председатель колхоза, еще каких-то полминуты назад считавший себя заживо погребенным (неким подменить Марию, хотя и не отпустить нельзя: пять лет без выходных ломит!), радостно заулюлюкал:

– Поезжай, поезжай, Мария! Да только от жениха подальше садись, а то, чего доброго, с невестой перепутает.

Председатель говорил от души. Он всегда любовался Марией и втайне завидовал тому, кому достанется это сокровище. Красавицей, может, и не назовешь, и ростом не очень вышла, но веселья, но задора – на семерых. И работница... За сорок пять лет свои такой не видывал. Три бабенки до нее топтались на телятнике, и не какая-нибудь пьяная рвань – семейные. И все равно телята дохли. А эта пришла – еще совсем-совсем девчонка, но в первый же день: «Проваливайте! Одна справлюсь». И как почала-почала шуровать, такую революцию устроила – на телятник стало любо зайти.

Мария вернулась через три дня. Мрачная. С накрепко поджатыми губами.

– Да ты что, – попробовал пошутить председатель, – перепила на свадьбе?

– Не была я на свадьбе, – отрезала Мария и вдруг с яростью, со злостью выбросила на стол свои руки: – Куда я с такими крюками поеду? Чтобы люди посмеялись?

Председатель ничего не понимал.

– Да чего не понимать-то? Зашла на аэродроме в городе в ресторан – перекусить чего, думаю, два часа еще самолет на Мурманск ждать, ну и пристроилась к одному столу – полно народу: два франта да эдакая фряля накрашенная. Смотрю, а они и есть перестали. – И тут Мария опять сорвалась на крик: – Грабли мои не понравились! Все растрескались, все красные, как сучья, – да с чего же им понравятся?

– Мария, Мария...

– Все! Наробилась больше. Ищите другую дуру. А я в город поеду красоту на руки наводить, маникюры... Заведу, как у этой кудрявой фралаи.

– И ты из-за этого... Ты из-за этих пижонов не поехала на свадьбу?

– Да как поедешь-то? Фроська медсестрой работает, жених офицер – сколько там будет крашенных да завитых? А разве я виновата, что с утра до ночи и в ледяную воду, и в пойло, и навоз отгребаю... Да с чего же у меня будут руки?

– Мария, Мария... у тебя золотые руки... Самые красивые на свете. Ей-богу!

– Красивые... Только с этой красотой в город нельзя показаться.

Успокоилась немного Мария лишь тогда, когда переступила порог телятника.

В семьдесят пять глоток, в семьдесят пять зычных труб затрубили телята от радости.

1976